

4. Младковская, Е. А. Военные суды России: история и современность / Е. А. Младковская // Военный академический журнал. — 2018. — № 4. — С. 167.
5. О воинской обязанности и воинской службе : Закон Респ. Беларусь от 5 нояб. 1992 г. № 1914-ХП : в ред. от 11 окт. 2024 г. № 36-3 // ЭТАЛОН : информ. правовая система (дата обращения: 25.04.2025).
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 21 апр. 2025 г. № 90-ФЗ : с изм. и доп. вступ. в силу с 21 апр. 2025 г. // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 24.04.2025).
7. О военных судах Российской Федерации : Федер. конституц. закон от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ : в ред. от 28 дек. 2024 г. № 1-ФКЗ // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 24.04.2025).
8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : 16 июля 1999 г. № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 фев. 2025 г. № 61-3 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 26.04.2025).
9. Фатыков, И. А. Современные проблемы регулирования деятельности военных судов России / И. А. Фатыков // Современные научные исследования и инновации. — 2020. — № 11. — С. 25.

УДК 341.32

Г. А. Лёвкин, И. В. Шуленкова
*Учреждение образования «Барановичский государственный университет»,
Барановичи, Республика Беларусь*

НАЁМНИК КАК СУБЪЕКТ НАРУШЕНИЯ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА В ПЕРИОД ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА: АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО ТОЛКОВАНИЯ

Введение. Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее — УК), определил в ст.ст. 132 и 133 главы 18 уголовную ответственность за процесс вербовки и обучения лицами наёмников, а также наёмничество в целом, опираясь на опыт международно-правовых актов.

В то же время, белорусским законодателем не была принята во внимание необходимость разъяснения термина «наёмник», хотя это имеет существенное значение для определения круга лиц, которые могут быть привлечены к уголовной ответственности.

Основная часть. Обратим внимание на положение норм подп. v и xv п. а ч. 1 ст. 8 Римского Статута Международного Уголовного Суда ООН (далее — Статут Суда), содержание которой, устанавливает следующее: «в целях применения Статута Суда, термин «военное преступление» означает — серьезные нарушения норм Женевских Конвенций (далее — ЖК) от 12 августа 1949 г., а именно принуждение военнопленного или другого охраняемого лица к службе в вооруженных силах неприятельской державы, а также принуждение граждан противной стороны к участию в военных действиях против их собственной страны, даже если они находились на службе воюющей стороны до начала войны» [1]. Отсюда, мы можем сделать справедливый вывод о том, что «прогресс развития явления «наёмничество» в международных отношениях на период принятия Статута Суда (17 июля 1998 г.) и на текущий 2025 г., имеет достаточно широкое распространение, поскольку в полной мере предполагает увеличение численности личного состава Вооруженных Сил воюющего государства посредством реализации мер, направленных на осуществление вербовки и обучения военному делу лиц, не принимающих участия в вооруженном конфликте и ни по каким признакам не относящимся к военнослужащим (далее — комбатант) конкретного государства, а также лиц, на которых в силу установленных ЖК правил ведения войны распространяется правовой статус военнопленного».

Конечно, в условиях объективной действительности видится, что учрежденные в 1949 г. основные законы и правила ведения войны, были ратифицированы еще правительственными органами СССР в 1950 г., а после развала последнего в 1991 г. — государствами-участниками Содружества Независимых Государств (далее — СНГ). Республика Беларусь — одно из государств СНГ, Парламентом которого была произведена ратификация названных правил, а также норм Международной конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников от 4 декабря 1989 г. (далее — Конвенция о борьбе с наемничеством), благодаря которой, произошло законодательное закрепление норм ст.ст. 122-131 гл. 17 и ст.ст. 132-138 гл. 18 разд. VI УК. Обращаем внимание, что за период 1999-2025 гг., имплементированные в действующий УК нормы Международного гуманитарного права (далее — МГП) смогли найти свое отражение и в правоприменительном процессе белорусского законодательства.

В то же время, считаем верным выделить наличие в нормах белорусского уголовного права проблемы законодательного закрепления термина «наёмник» — как непосредственного субъекта отношений, вытекающих из отрасли МГП, поскольку отсутствие такого закрепления не позволяет в точности определить правовую категорию лиц, которые должны и (или) могут быть привлечены к ответственности за наёмничество по национальному уголовному законодательству Республики Беларусь.

Приведем содержание анализируемых норм ст.ст. 132 и 133 УК [2]:

1) Согласно статье 132 УК:

- вербовка, обучение, финансирование, иное материальное обеспечение и использование наемников для участия в вооруженных конфликтах или военных действиях,
- наказываются лишением свободы на срок от семи до пятнадцати лет.

2) Согласно статье 133 УК:

– участие на территории иностранного государства в вооруженных конфликтах, военных действиях лица, не входящего в состав вооруженных сил воюющих сторон и действующего в целях получения материального вознаграждения без уполномочия государства, гражданином которого оно является или на территории которого постоянно проживает (наемничество),

– наказывается лишением свободы на срок от трех до семи лет со штрафом или без штрафа.

Из содержания видно, что «диспозиции обоих составов преступлений — признаются описательными, в то время как санкции отличны друг от друга. Так, по ст. 132 УК относительно-определенная, а по ст. 133 УК альтернативная. Описательные диспозиции приведенных составов преступлений считаются таковыми, в силу необходимости разъяснения смысла правового толкования термина «наёмник», и по сути отсылают нас к нормам международных Договоров и Конвенций, составляющих содержание отрасли МГП, хотя по правовой природе и не могут быть признаны бланкетными».

Справедливо будет указать по этому аспекту мнение В. Ю. Калугина — «уголовное право того или иного государства применяется к действиям, которые совершаются на его территории или его гражданами, когда МГП обладает в этом смысле более широкой сферой применения» [3, с. 179].

Применительно к цели законодательного закрепления в действующий УК разъяснения правового толкования термина «наёмник», считаем верным обратиться к нормам ч. 4, п. 7 ч. 3 ст. 5 УК, устанавливающих механизм действия универсального принципа белорусского уголовного права следующим образом: «в случаях, предусмотренных ч. 3 ст. 5 УК, лица подлежат ответственности по УК, если они не были осуждены в иностранном государстве и привлекаются к уголовной ответственности на территории Республики Беларусь; УК применяется независимо от уголовного права места совершения деяния в отношении преступных нарушений норм МГП во время вооруженных конфликтов».

В контексте преступных нарушений норм МГП во время вооруженных конфликтов, отметим такие нормы как пп. 5 и 5¹ ч. 1 ст. 136 УК, на основании которых «к нарушениям норм МГП во время вооруженного конфликта относится вербовка лиц, не достигших пятнадцатилетнего возраста, в вооруженные силы либо разрешение им принимать участие в военных действиях; вербовка лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, в вооруженные группы, отличные от вооруженных сил государства, или использование их в военных действиях в составе этих вооруженных групп», что с нашей точки зрения, конечно будет позволять универсальному принципу распространить юридическую силу на лицо, которое кроме того что принимало участие в вооруженном конфликте вне личного состава комбатантов воюющего государства, так еще и могло совершать действия, указанные в пп. 5 и 5¹ ч. 1 ст. 136 УК.

А. А. Азовцев и другие авторы определяет доктринальный подход к правовому толкованию термина «наёмник» следующим образом: «наемник — это лицо, вступающее в вооруженный конфликт не из идеологических, национальных, политических соображений и не в соответствии с воинской обязанностью, а ради личной выгоды» [4, с. 5]. Считаем, что использованное данным автором с целью определения сущности содержания термина «наёмник» термина — «личная выгода», по сути можно определить как «корысть или корыстный мотив совершения преступления», что является факультативным признаком субъективной стороны состава преступления описанного в ст. 133 УК, и в действительности позволяет отграничить наёмника от иных участников вооруженного конфликта: военный шпион (далее — лазутчик), военный разведчик, комбатант, санитарный и (или) духовный персонал и др.

С целью определения необходимых признаков, которые позволят закрепить в национальном уголовном законодательстве Республики Беларусь термин «наёмник» обратимся к нормам пп. а, б, с и d ч. 1 ст. 1 Конвенции о борьбе с наемничеством, на основании которых «термин «наемник» означает любое лицо, которое:

- специально завербовано на месте или за границей для целей сражения в вооруженном конфликте;
- принимает участие в военных действиях, руководствуется главным образом желанием получить личную выгоду и которому в действительности обещано стороной или по поручению стороны, находящейся в конфликте, материальное вознаграждение;
- не является ни гражданином стороны, находящейся в конфликте, ни лицом, постоянно проживающим на территории, контролируемой стороной, находящейся в конфликте;
- не входит в личный состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте» [5].

Кроме правового толкования Международным правом термина «наёмник» и установления его отличительных признаков, следует учесть положение нормы ст. 8 Конвенции о борьбе с наемничеством, устанавливающей следующее: «любое государство-участник, имеющее основания полагать, что совершено, совершается или будет совершено одно из преступлений, указанных в Конвенции о борьбе с наемничеством, представляет в соответствии со своим национальным правом непосредственно или через Генерального секретаря ООН соответствующую информацию затронутым государствам-участникам сразу же после ее получения».

Вышеприведенная норма позволяет субъектам ООН принять к сведению любую информацию, содержание которой способно подтвердить намерение лица, принять участие в вооруженном конфликте вне личного состава комбатантов, а также установить признаки наёмника, описанные в пп. а, б, с и d ч. 1 ст. 1 Конвенции о борьбе с наемничеством. С другой стороны, учитывая положения норм пп. а, б, с и d ч. 1 ст. 1, ст. 8 Конвенции о борьбе с наемничеством, справедливо будет сделать следующий вывод:

– «наёмник, как субъект нарушения норм отрасли МГП, определяется с учетом следующих признаков: лицо не входит в личный состав комбатантов воюющего государства, действует исключительно с целью

получения материального вознаграждения, прошедшее процедуру вербовки за границей или на определенном месте и которое не может быть признано гражданином обоих воюющих государств, а также обязанное в случае нарушения норм Конвенции о борьбе с наемничеством быть подвергнутым уголовному преследованию».

Признаки, определенные автором в выводе, полагаем достаточно эффективно позволяют отграничить наёмника от лазутчика в силу некоторых аспектов их правовой неопределенности. Так, согласно норме, ч. 1 ст. 46 Дополнительного протокола № I к ЖК от 8 июня 1977 г. (далее — ДП I) «независимо от любого другого положения Конвенций или ДП I любое лицо из состава вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте, попадающее во власть противной стороны в то время, когда оно занимается шпионажем, не имеет права на статус военнопленного, и с ним могут обращаться как со шпионом» [6].

В то же время, норма ч. 1 ст. 47 ДП I определяет, что «наемник не имеет права на статус комбатанта или военнопленного», посредством чего такая норма позволяет обращаться с наёмником в случае попадания его в плен в соответствии с его правовым статусом.

Однако, в объективных условиях существования вооруженного конфликта, возникают обстоятельства, вследствие которых первоначальный статус наёмника не может быть определен в силу ряда отдельных причин: для целей сокрытия факта наемничества, лицо может применять использование отличительных знаков личного состава комбатантов конкретного воюющего государства; лицо, может быть завербовано на территории третьего государства, выступающего в роли Державы-покровительницы с целью выяснения необходимой для такого государства информации и др. Здесь, в случае наличия таких обстоятельств, вышеуказанные лица сохраняют правовой статус «комбатант» с последующим переходом на статус «военнопленный» по смыслу нормы ч. 1 ст. 45 ДП I, согласно которой «в случае возникновения какого-либо сомнения в том, имеет ли любое такое лицо право на статус военнопленного, оно продолжает сохранять такой статус и, следовательно, пользоваться защитой ЖК III и ДП I до тех пор, пока статус не будет определен компетентным судебным органом».

Определяя доктринальный подход к разъяснению правового толкования термина «наёмник», считаем верным учитывать один из общих принципов отрасли Международного уголовного права (далее — МУП) — «принцип неприменения сроков давности». Обратим сразу внимание на нормы ст. 29 Статута Суда, ч. 1 ст. 85 УК на основании которых «в отношении преступлений, подпадающих под Юрисдикцию Суда в порядке пп. а, b, с и d ч. 1 ст. 5 Статута Суда не устанавливается никакого срока давности; освобождение от уголовной ответственности или наказания в связи с истечением сроков давности не применяется при совершении преступлений против мира, безопасности человечества и военных преступлений».

По сути, ссылаясь на приведенные нормы Статута Суда и УК, можем отметить, что наёмник в силу необходимости получения им обещанного материального вознаграждения сам по себе способен совершать такие военные преступления, как — убийство и (или) причинение телесных повреждений различной степени тяжести гражданским лицам или непосредственно комбатантам, в связи с чем, на таких лиц распространяется указанный общий принцип МУП.

В завершение определения существенных признаков явления наемничества, отметим утверждение С. Ю. Гаркуши-Божко о том, что вербовка наёмника может производиться и на территории третьего государства, однако в то же время, им определяется следующая проблема: «операции по вербовке наёмников чаще всего носят секретный характер, а некоторые доказательства могут находиться на территории третьего государства что значительно снижает возможности доказывания факта вербовки наёмника» [7, с.143]. Здесь, считаем верным отметить, что в этих случаях государства обязуются принимать все необходимые меры к установлению схемы вербовки лиц в состав наёмников на территории конкретного государства, а также осуществить предание виновных суду руководствуясь при этом ст.29 Статута Суда (в случае если государство является участником Статута Суда) и нормами национального уголовного права.

Заключение. Обобщая изложенное, предлагаем определить в норме ст. 133 УК разъяснение правового смысла термина «наёмник» с учётом признаков, описанных в пп. а, b, с и d ч. 1 ст. 1 Конвенции о борьбе с наемничеством посредством введения примечания следующего содержания:

– «Примечание: Для целей настоящей статьи под термином «наёмник» следует понимать лицо, непосредственно принимающее участие в вооруженном конфликте и имеющее совокупность следующих признаков: такое лицо не может входить в личный состав Вооруженных Сил государства, находящегося в вооруженном конфликте; имеет своей целью получение обещанного материального вознаграждения и действующее исключительно в корыстных целях; не является гражданином государств, находящихся в вооруженном конфликте; прошедшее процедуру вербовки на территории иностранного государства либо в ином определенном месте».

Список цитируемых источников

1. Римский статут Международного Уголовного Суда ООН : [Welcom to the United Nations]. — URL: <https://www.un.org> (дата обращения: 01.05.2025).
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 фев. 2025 г. № 61-3 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система — URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=НК9900275> (дата обращения: 01.05.2025).

3. Калугин, В. Ю. Серьезные нарушения международного гуманитарного права и имплементация борьбы с ними в уголовном законодательстве Республики Беларусь / В. Ю. Калугин // Московский журнал международного права. – 1998. – № 3. – С. 175-188.
4. Азовцев, А. А. О некоторых различиях между комбатантами и наемниками / А. А. Азовцев, Н. Г. Александрова, Н. С. Кириченко // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. — 2022. — № 5. — С. 15-20.
5. Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников : [Welcom to the United Nations]. – URL: <https://www.un.org> (дата обращения: 01.05.2025).
6. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов : [International Committee of the Red Cross]. — URL: https://www.icrc.org/default/files/AP_I_Rus (дата обращения: 02.05.2025).
7. Гаркуша-Божко, С. Ю. Проблемы разграничения наемников и добровольцев / С. Ю. Гаркуша-Божко // Альманах молодого исследователя. — 2018. — № 5. — С. 142-146.

УДК 349.225.6

О. Н. Людвигевич

*учреждение образования «Барановичский государственный университет»,
Барановичи, Республика Беларусь*

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ДЛЯЩЕГОСЯ ДИСЦИПЛИНАРНОГО ПРОСТУПКА

Введение. Одним из важнейших и недостаточно разработанных в науке трудового права вопросов, связанных с дисциплиной труда и дисциплинарной ответственностью работников и имеющих как теоретическое, так и практическое значение, является длящийся дисциплинарный проступок. В Трудовом кодексе Республики Беларусь (далее – ТК) понятие длящегося дисциплинарного проступка отсутствует [1]. Вместе с тем такой проступок признается судебной практикой.

Основная часть. В соответствии с п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 июня 2012 г. № 4 «О практике применения судами законодательства о трудовой дисциплине и дисциплинарной ответственности работников», если после применения дисциплинарного взыскания работник продолжает виновное противоправное поведение (например, без уважительных причин снова отказывается от выполнения порученной работы), наниматель вправе вновь привлечь его к дисциплинарной ответственности [2].

Подтверждение вышеизложенному проиллюстрируем на следующем примере. Из материалов дела по иску С. о восстановлении на работе в должности начальника участка следует, что 12.11.2010 г. и 12.01.2011 г. к истцу применены дисциплинарные взыскания в виде выговоров. Поводом к увольнению истца 28.01.2012 г. послужил проступок, связанный с неразрешением жалобы жильца по устранению течи кровли, о чем составлен акт.

Решением суда Октябрьского района города Минска истец восстановлен на прежнем месте работы, поскольку дисциплинарный проступок, связанный с неприятием мер по жалобе, имел место еще до 12.01.2011 г., то есть до применения к истцу последней меры дисциплинарного взыскания.

Определением судебной коллегии по гражданским делам Минского городского суда решение суда первой инстанции отменено с вынесением по делу нового решения об отказе в иске о восстановлении на работе. Судебная коллегия пришла к выводу, что у нанимателя был повод для увольнения С., поскольку, несмотря на применение меры дисциплинарного взыскания приказом от 12.01.2011 г., истец не принял мер по устранению течи кровли. Суд первой инстанции не учел, что, если после применения меры дисциплинарного взыскания работник продолжает виновное противоправное поведение, наниматель вправе привлечь его к дисциплинарной ответственности [3].

На первый взгляд привлечение к дисциплинарной ответственности за длящийся проступок может создать видимость повторного привлечения к ответственности за тот же дисциплинарный проступок. Однако, полагаем, привлечение к дисциплинарной ответственности за длящийся проступок является вполне оправданным хотя бы уже потому, что оно ни в коем случае не освобождает работника от исполнения неисполненной или ненадлежащим образом исполненной трудовой обязанности [4, с. 77].

Таким образом, если на работника было наложено дисциплинарное взыскание за невыполнение без уважительной причины работы, которую он должен выполнять согласно трудовому договору и в дальнейшем работник вновь отказался от выполнения данной работы, наниматель вправе вновь привлечь работника к дисциплинарной ответственности, в том числе уволить по п. 6 ст. 42 ТК — за неисполнение без уважительных причин трудовых обязанностей работником, имеющим неснятое (непогашенное) дисциплинарное взыскание [5].

Однако, по нашему мнению, п.6 постановления Пленума Верховного Суда № 4 и приведенным примером не охватываются вся суть и содержание длящегося дисциплинарного проступка, поскольку проступок может совершаться работником длительное время, быть скрытым и не выявленным нанимателем.

Так, российскими авторами подчеркивается, что трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, «содержащими нормы трудового права, не предусмотрено понятие «длящийся дисциплинарный проступок». Вместе с тем, в судебной практике встречаются следующие подходы, в частности:

- длящимся является неисполнение работником трудовых обязанностей, несмотря на примененное к нему дисциплинарное взыскание;
- длящимся является дисциплинарный проступок, продолжающийся до момента его пресечения» [6].